

ОХОТА НА МАМОНТОВ

*Наталя
Берзина*

Наталья Берзина

Охота на мамонтов

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Берзина Н.

Охота на мамонтов / Н. Берзина — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Может показаться странным, но личная жизнь одинаково может не складываться и у вполне успешной женщины, и у послушной маминой доченьки. Особенно, если рядом оказывается человек, способный на подлость и предательство. Тогда ставкой может стать жизнь. А если в трудную минуту рядом оказался надежный человек, готовый загородить от опасности, — это большая удача. К несчастью, таких людей крайне мало, и отыскать их среди многих тысяч других очень сложно. Хотя пытаться все равно стоит. Но бывает и так, что сильная женщина, придя на помощь незнакомцу, легко может оказаться в ситуации, когда необходимо спасти не только чужую жизнь, но и свою собственную. А так хочется, чтобы наконец в реальности состоялась рождественская сказка...

© Берзина Н.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Берзина

Охота на мамонтов

Книга первая

Реликты

Волошин не спал. Он прислушивался к ровному дыханию Гали и прокручивал в памяти прошлое. Страшно было представить, что судьба, подарившая ему встречу с ней, приготовила такой удар. Разумом он понимал, что Галя потеряна для него навсегда, но смириться, принять это не было сил. Зачем, тогда им нужно было встречаться? Откуда вообще взялся этот моряк? Ведь им так хорошо было вместе! Волошин впервые в жизни понял, что такое дом. Настоящий дом, где его любят и ждут. Только оказалось, что это всего лишь мираж, иллюзия, фантом. У него есть всего лишь жилище, а совсем не дом. И жены нет, а есть женщина эти последние три месяца делившая с ним постель и хозяйственные хлопоты. Это он сам себе придумал, что Галя его жена. Он придумал, что у них будут дети, и для них он построит большой уютный дом, где им так замечательно будет вместе. Так случилось, что ничего этого у него не будет, как не было всю жизнь. И все три месяца, оказались всего лишь эпизодом.

Выходит, она его даже не любила, хотя говорила об этом довольно часто. Всего каких-то полчаса назад она рыдала у него на плече и просила простить. Да, он уже простил её потому, что никогда не обладал на неё никакими правами. Она просто жила рядом, жила с ним и в тоже время, всем сердцем принадлежала тому далёкому, незнакомому подводнику, который так некстати попал в госпиталь, да так, что теперь вопрос стоял о его жизни или смерти. Сам Волошин не раз и не два смотрел в глаза этой пренебрежительнейшей даме с косой на плече, да и честно нужно признаться, несколько раз заглядывал ей за спину. Откровенно говоря, там ему совсем не понравилось. А ведь многие его друзья и сослуживцы остались там, за чертой. И никто не спрашивал их согласия.

Волошин осторожно, боясь потревожить сон Гали, высвободил из-под её головы руку, и вышел на кухню. За окном короткая майская ночь уже собиралась покинуть город. В предрассветных сумерках тусклее стали фонари, кусты сирени под окнами буйствовали пока ещё сочной зеленью и гроздьями цветов. Тишину разрывали трели соловьёв доносившиеся от близких прудов. Красота и благолепие, вот только тупо ноет сердце, и невыносимо горек дым сигареты. Почему всё это случилось именно с ним, – недоумевал Волошин. В той, прежней жизни, он никогда не подпускал женщин так близко к себе, не потому что разошёлся с женой буквально через полгода после свадьбы, нет, он вполне справлялся с бытом и прочими заботами сам. Просто ни одна не зацепила его, ни разу в его душе не селилось незабываемое чувство единения. Да в целом и женщин у него было совсем не много, так короткие курортные романы, ничего серьёзного. Он делал вид, что ему *это* необходимо, а его подружки делали вид, что им хорошо с ним. Как говорят в американских фильмах – ничего личного. Личное, появилось неожиданно, в образе продрогшей на студёном февральском ветру молодой женщины, одиноко мёрзнувшей на пустынной троллейбусной остановке. То, что произошло дальше, не укладывалось ни в одну схему.

Волошин уже решил вернуться домой, поздно, холодно. Людей разогнал по домам холод и дикий ветер, но нерешительно поднятая рука заставила его остановиться. В первый момент он даже не посмотрел на неё, ну очередная пассажирка, что тут особенного. Приняв

из замёрзших рук деньги за проезд, он выехал на пустынную улицу и повел свою маршрутку дальше. Через несколько минут, она спросила его, не знает ли он где можно снять квартиру на время.

– Надолго или на пару дней? – уточнил Волошин.

– Не знаю. Видно будет. – Чуть хриплым, словно простуженным голосом ответила она. Волошин взял с панели трубку и позвонил Милочке.

– Есть квартира на сутки. Двадцать долларов. Устраивает? – Обратился он к пассажирке и посмотрел на неё в зеркало. В тусклом свете нельзя было даже разобрать возраст, довольно молодая, но какая-то раздавленная.

– Да, вполне. Вы можете меня туда отвезти? Я заплачу!

– Мне по пути. – Ответил Волошин. – Только мне ещё в магазин нужно заехать, Вы меня подождёте?

– Я с вами. Если можно. Мне тоже нужно за покупками. – Неуверенно сказала она и замолчала.

Волошин пожал плечами и, свернув с маршрута, направился в сторону Серебрянки. У супермаркета машин на стоянке почти не было, подъехав поближе к входу, Волошин остановил свой «Мерседес» и, дождавшись, когда пассажирка выйдет, запер микрик.

– Я быстро, туда и обратно. Мне только зубную пасту купить, ну и щётку. – Непонятно зачем отчиталась она Волошину. Он кивнул и отправился за продуктами. То, что в холодильнике пусто, он помнил с самого утра.

Когда минут через двадцать он вернулся, женщина уже, похоже, ничего не соображала от холода. «Конечно, подождать внутри у неё не хватило соображения» – уныло подумал Волошин и, достав из кармана брелок, открыл машину.

– Садитесь, поедem, здесь недалеко. – Бросил он и запустил мотор.

Действительно не проехав и пятисот метров Волошин остановил машину у неприметной девятиэтажки.

– Пошли, нас уже ждут. – Сказал он, запирая «Мерседес».

Женщина неотступно следовала за ним, ничего не спрашивая только внимательно глядя себе под ноги, словно искала что-то.

Домофон весело сообщил, что дверь открыта и впустил их в подъезд. Лифт как всегда болтался где-то в районе восьмого этажа, и Волошин привычно направился к лестнице. На площадке третьего этажа он достал из кармана ключи и, обернувшись, сказал своей спутнице:

– Нам сюда.

Та только кивнула. Пропустив её в тесный тамбур, Волошин распахнул дверь и громко крикнул:

– Милочка! Мы пришли.

Из комнаты в прихожую вышла молодая девушка, в уютном свитере грубой вязки и голубых джинсах.

– Добрый вечер, проходите, я вам сейчас всё покажу. – Сказала она женщине и, взглянув на Волошина, добавила. – Я к тебе зайду потом?

– Да, конечно. – Ответил тот, уже входя в свою квартиру.

Эту квартиру он купил после увольнения из армии, маленькая, однокомнатная, но ему одному вполне хватало. Что ещё нужно закоренелому холостяку. Не раздеваясь, Волошин прошёл на кухню, разгрузил пакеты, поставил на плиту воду дляпельменей и только после этого вернулся в прихожую, чтобы снять куртку. Пока закипала вода, он тщательно вымыл руки и открыл вынутую их холодильника бутылку пива. Не успел он наполнить стакан, как вошла Милочка.

– Ну, привет ещё раз, – сказала она и, увидев наполненный стакан, потянулась к нему. – Можно?

И не дожидаясь ответа, пригубила. Уж кому – кому, но ей, Волошин ни за что не посмел бы отказать. Он тихо любил эту очаровательную девушку, беззаветной отеческой любовью. Не только потому, что она годилась ему в дочери, но и ещё, наверное, потому, что именно о такой наследнице и мечтал Волошин.

– Как живёшь, Саша? – Поинтересовалась Милочка, устраиваясь на диване.

– Неплохо, спасибо. Ты вот не часто заходишь, а так всё в полном порядке.

– Прости, дел очень много. Но когда есть время я всегда рада тебя видеть. Взял бы и забрёл бы ко мне, или лень подняться лишних пару этажей?

– Нет, просто неудобно. Может у тебя друг твой, или мало ли что.

– Друга больше нет, отправила в отставку. Так, что в любое время жду.

– Спасибо тебе на добром слове.

– А откуда ты эту дамочку взял Саша?

– Просто пассажирка, а что?

– Да, так ничего, просто странная какая-то. Вроде и при деньгах, одежда приличная, но что-то в ней не то. Я с ней разговариваю, а она вроде не слышит. Сдачу с сотки даю, не реагирует. И вещей у неё нет, в ванной, когда я ей показывала, достала из кармана зубную пасту и щётку, положила на полочку и ушла, словно меня там нет. Ты бы приглядел за ней, а то мало ли что.

– Хорошо, я пригляжу, только вот как? Не вламываться же к ней среди ночи.

– Не знаю, ну пофлиртывал бы или как.

– Дорогая я уже стар, для флирта!

– Ой, не скажи, если бы мы не были столько знакомы, то я бы в тебя непременно бы влюбилась, или хотя сделала бы тебя своим любовником.

– Не шути с огнём Милочка. Кто знает, как всё может обернуться. А за соседкой я приглажу, не волнуйся.

– Тогда я пойду, завтра мне с самого утра на работу. Спасибо за пиво. – Милочка поднялась и, поцеловав Волошина в щёку, убежала.

Оставшись в одиночестве, Волошин положил на тарелку пельмени, налил пиво и принялся за немудрёный ужин.

Голова болела так, словно в неё налили расплавленный свинец. Даже глаза открыть было невыносимо больно. Вязкая горечь уже подступала к горлу. Превозмогая себя, Таня поднялась на четвереньки и поползла. Рядом кто-то завозился и сонно забормотал. Руки нащупали край постели. С трудом придав себе вертикальное положение, Таня почти наощупь отыскала дверь и вышла. Где-то должен быть туалет, знать бы где. Благо свет в коридоре горел, заветная дверь нашлась, наконец, и Таня нависла над унитазом.

Чтобы немного прийти в себя она опустила на край ванны и вдруг увидела в зеркале собственное отражение. Лучше бы не видела. По всему бледному телу красовались следы чужих рук. «Боже мой, что я здесь делаю? Что произошло? Где я? С кем?» – подумала Таня но, даже такая попытка разобраться в ситуации, вызвала очередной приступ тошноты.

Когда уже, казалось, желудок вывернулся наизнанку, невыносимо захотелось пить. Она напилась прямо из-под крана, теперь вялые мысли приобрели некоторую направленность. Отрегулировав душ, Таня стала под упругие струи и только теперь начала что-то вспоминать.

Да, вчера она развелась с мужем. С человеком, рядом с которым прожила двадцать пять, невыносимо долгих лет. Наконец, она обрела полную свободу, и выходит тут же ею воспользовалась на всю катушку. Если бы не Лорик со своим предложением отметить знаменательное событие в ресторане такого бы, наверняка, не случилось бы. Непрерывный два-

дцатипятилетний конфликт разрешился вчера. Прямо там, в зале суда она едва не расцеловала своего теперь уже бывшего мужа.

Всё, больше не нужно будет терпеть его выходки, не нужно будет смотреть на его вечно недовольную физиономию! Она свободна! Главное он не станет больше читать ей нравоучений, что должна делать жена. Со вчерашнего дня она уже не жена, а совершенно свободная женщина и он ей уже не указ. Хотя нужно признать, что последние лет пять он ничего ей уже не читал, скорее вообще не замечал. Конечно, заботился по-прежнему. Но так, на уровне собаки. Даже ещё хуже, потому, что с собакой он разговаривал, а с ней нет. Впрочем, нет, он не молчал, но отвечал на её вопросы так односложно, что больше, ни о чём спрашивать не хотелось. И плюс ко всему эта бесконечная череда любовниц! Что он находил в этом занятии, непонятно? Вчера она доказала ему, что ей тоже всё позволено. Да! Да, чёрт возьми! Она провела эту ночь с мужчиной, совершенно чужим, незнакомым, и пусть ей сейчас плохо, но вот только очень жаль, что он об этом ничего не узнает! Он всё время говорил ей, что постель в супружеской жизни необходима, вот она прошла через постель и что? ... А то, что теперь стыдно и больно. И противно, и следы чужих рук по всему телу и *там* внутри, словно бы горит огнём, и на душе гадко, словно её окунули с головой в омерзительные помои.

Таня с остервенением терла и терла мочалкой свое поруганное тело, а слёзы текли из глаз и не хотели никак останавливаться.

Вернувшись в комнату, Таня быстро оделась. Хотя и отыскала мало чего из своих вещей. На блузке недоставало половины пуговиц, а белья не осталось вовсе, лишь обрывки его валялись там и сям. Глянув на себя в зеркало, женщина убедилась, вид у неё был пусть и помятый, но не совсем опустившийся. Пока она одевалась, удалось вспомнить, что приехала она сюда не одна, а с Лориком, значит необходимо найти её и бежать. Бежать отсюда и как можно быстрее.

Лорика она нашла мирно спящей в объятиях такого же молоденького парнишки, как и тот, что остался в другой комнате. Осторожно чтобы не разбудить, парня, Таня растолкала подругу, и чуть ли не силой вытащила в коридор. Голая Лорик, зябко поежилась, и всё порывалась вернуться обратно в тёплую постель. Но иногда Татьяна бывала неумолимой. Подруге ничего другого не оставалось, как одеться и вместе с Татьяной выбираться из дома.

Такси им удалось поймать буквально через десять минут. Правда, цену водитель заломил несусветную. Только ехать всё равно было нужно.

Едва добравшись до дома, Татьяна отпустила Лорика досыпать, а сама нырнула в ванну. Здесь в собственной квартире, сидя по горло в душистой пене она, наконец, смогла немного собраться с мыслями.

Мысли были совсем невесёлые. Ещё бы, только вчера она развелась с мужем и сразу же оказалась в постели какого-то малолетки, да ещё и в стельку пьяная. Начиналось всё ведь так мило. Вернувшись домой, она сразу же позвонила Лорику, та тут же примчалась с поздравлениями. Подруга всегда недолгобливала Андрея, как впрочем, и мама. Все годы, что Татьяна была замужем мама твердила, – он тебе не пара, вам нужно развестись, зачем тебе гробить жизнь с этим неудачником. Это продолжалось постоянно, и тогда когда муж служил, и когда уволился из армии и потом, когда начал собственный бизнес. Хотя нужно признать и Андрей не слишком жаловал Танину мать. Постоянно между ними вспыхивали стычки, которые лишь чудом не переросли в войну.

Бутылочка «Кагора» оказалась как нельзя, кстати и вскоре подруги уже весело комментировали всё, что было связано с Андреем. Таня была действительно на седьмом небе от счастья. Никто теперь не будет указывать, ей как жить. Пусть теперь он делает, что хочет, таскается по девицам, блудит, сколько влезет, она будет жить спокойно. Лорик постоянно говорила, что Таня ещё очень привлекательная женщина, никто не даст ей её законных сорока пяти. Если она только свиснет, у неё будет столько кавалеров, сколько она только

пожелает. Слова Лорика, бальзамом ложились на душу, она говорила то же самое, что и мама, а такие близкие люди просто не могли ошибаться. Татьяна с удовольствием выслушивала комплименты в свой адрес и весьма легко согласилась на предложение подруги продолжить празднование столь знаменательного события в ресторане.

Когда метрдотель поинтересовался, не будут ли дамы против, если к ним подсадят молодых людей, Татьяна не стала сопротивляться, а Лорик, та вообще сразу же согласилась. Вот тут-то всё и началось. А интимной полутьме зала, подогретые выпитым, Татьяна и Лорик, очень быстро познакомились с мужчинами, волею случая оказавшимися рядом с ними. Они вместе танцевали, немного ели и очень, очень много пили.

Таня смутно помнит, как вышли из ресторана, затем куда-то ехали, а потом, потом было такое, о чем лучше забыть. Она до сих пор не могла поверить, что всё это было с ней. Даже сейчас, лёжа в любимой ванне, она чувствовала омерзение от одного только воспоминания о проведённой ночи. Неужели это была она, никогда не позволявшая ничего подобного даже с законным мужем? Можно было подумать, что в неё этой ночью вселился какой-то бес, который усиленно толкал её на все те бесстыдства. За те годы, что она делила постель с мужем, ничего даже отдалённо похожего с ней никогда не происходило. Скорее наоборот, когда она отказывала ему, он в основном уходил спать в другую комнату. Правда иногда, примерно один раз в месяц, он не выдерживал и начинал с ней разговоры, которые порою затягивались до утра. Но это вполне можно было пережить. Мама ведь неспроста ей говорила, что мужа нужно удерживать на дистанции, чтобы он постоянно желал получить жену как величайшую драгоценность. Впрочем, так оно и было, если муж получал доступ к телу, он весь следующий день не отходил от Татьяны ни на шаг и готов был носить её на руках. Что греха таить ей очень нравилось упиваться собственной недосыгаемостью и безграничной властью над ним. Только, к сожалению, муж выдержал такой жизни всего-то лет десять, а потом начал закручивать романы. Таня была достаточно хорошо информирована о его похождениях. И вот, наконец, она не выдержала и подала на развод. Удивило её только одно обстоятельство, он не стал спорить, просто собрал вещи и ушёл. Вчера в суде, Таня, честно говоря, всё ещё надеялась, что он попросит прощения. Но он молчал и стоил глазки судье. Или это Тане показалось? Все-таки он подонок, и нечего о нём вспоминать. Да в доме стало как-то пусто с его уходом, но зато она совершенно свободна, и это она доказала, пусть даже самой себе.

Стук в дверь, робкий, несмелый, вызвал у Волошина искреннее удивление. А когда на пороге он увидел свою пассажирку, то удивился ещё больше.

– Что-то случилось?

– Нет, извините, просто мне показалось, что вы ещё не спите, и я ... Ну, в общем, как это сказать... Можно я побуду немного с вами? Я очень боюсь, что наделаю глупостей, а не хотелось бы.

– Вы ужинать со мной будете? Я сварил пельмени, правда, кажется, немного переварил, но, так уж получилось.

– Нет, спасибо, я ничего не хочу, мне бы только не оставаться одной.

– Да, что вы стоите, проходите сюда на кухню. Садитесь.

– Спасибо, вы очень добры.

– Ну, что вы заладили спасибо, да спасибо. Вы сегодня ужинали? Вижу, что нет. – Волошин поставил перед гостьей тарелку и положил пельмени. – У меня, к сожалению, нет разносолов, я не особенно люблю готовить. Разве, что когда гости приходят.

– А вы, что один живёте?

– Вас это удивляет? Да я живу один. Но как-то не чувствую себя одиноким.

– Вы развелись, ушли от жены, или она вас бросила?

– Милая девушка, это произошло так давно, что я уже не помню подробностей. Больше двадцати лет я один и ничуть об этом не жалею.

– Простите меня. Я совсем не хотела вас задеть.

– Вы меня и не задели. Я же говорю, что всё это было очень давно. А как так получилось, что вам негде жить? Вы ведь не приезжая?

– Нет, не приезжая, но я не хочу об этом говорить.

– Ясно, да вы ешьте, что вы смотрите на них, ручаюсь, пельмени не отравлены. Я, правда, не хочу знать, из чего и как их делают, но в том, что они съедобны, уверен. Может, вы выпить хотите? У меня правда нет вина, но зато есть хороший коньяк.

– Спасибо.

– Милая девушка, если вы не прекратите на каждое моё слово, говорить спасибо, я честное слово вас выставлю.

– Нет! Прошу вас, не прогоняйте меня!

– Уговорили, не буду.

Волошин встал из-за стола, ополоснул тарелку, достал бокалы и пузатую бутылку темного стекла. Плеснув по глотку коньяка, он протянул бокал девушке.

– Так, что же у вас случилось? Вам, как я понимаю, пришлось сбежать из дома? С мужем вдрызг разругались?

– Я не готова говорить на эту тему. Простите, – незнакомка двумя руками взяла широкобёдрый бокал, поднесла к лицу, но, так и не пригубив, поставила на стол.

– Хорошо! Так о чём же мы будем говорить?

– Я ... я не знаю...

И тут она заплакала, сначала тихо, а затем уже навзрыд. Волошин попытался поднести ей стакан с водой, но незнакомка оттолкнула его руку. Ничего другого не оставалось, как просто сесть с нею рядом и попробовать утешить иначе. Это действительно помогло. Вскоре она только изредка всхлипывала, уткнувшись носом в его плечо, а Волошин продолжал гладить её стильно стриженные волосы, да шептать какие-то слова утешения.

Он просидел с ней очень долго, пока она окончательно не успокоилась. Ему никогда не приходилось утешать плачущих женщин, он просто не умел этого делать. Теперь пришлось в срочном порядке овладевать этой сложной наукой.

– Как вас зовут? – наконец, сообразил поинтересоваться Волошин.

– Галя, – уже без слёз в голосе ответила она. – А вас?

– Волошин Александр. Так я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо вы и так мне уже помогли, только не могли бы вы проводить меня туда, где я сегодня буду ночевать. Мне боязно заходить туда одной.

– Хорошо, только для начала я, вам дам валерьянки, что ли. Вам просто необходимо успокоиться.

– Спасибо, не стоит. Со мной всё в порядке. Не волнуйтесь за меня.

– Из спасибо шубы не сошьёшь, – буркнул Волошин, роясь в аптечке. – Вот! Нашёл только, сколько капать я не знаю. Держите.

Он протянул ей пузырёк и, подождав пока она встанет, бережно поддерживая под локоток, проводил в съёмную квартиру. Здесь он бывал не раз, всё было хорошо знакомо. Помогая Милочке, он тут много чего развешивал, прибывал, приколачивал, и теперь приведя Галю, окинул квартирку привычно-хозяйским взглядом. Её вещей не было, только лёгкая шубка в прихожей на вешалке. Почему-то она показалась ему такой трогательной, что вызвала невольную улыбку. Да и сама Галя была до невозможности милой, даже сейчас, несмотря на распухшие от слёз глаза и раскрасневшийся нос. Среднего роста с огромными выразительными серыми глазами, хорошо сложенная, она выглядела обворожительно. Не девушка, а мечта любого мужчины.

Галя остановилась посреди комнаты и, оглядевшись по сторонам, подняла глаза на Волошина.

– Простите, что я причинила вам столько неудобств. Мне очень неловко.

– Ничего страшного, примите капли и ложитесь. Говорят утро вечера мудренее. Я пойду, пожалуй.

– Да, не смею вас задерживать. Ещё раз, большое спасибо.

Волошин вернулся к себе, плеснул в бокал ещё коньяка и залпом выпил. День выдался достаточно трудный, хотя легких дней последнее время Волошин, пожалуй, и не мог вспомнить.

Чтобы занять себя, Таня решила переложить вещи. Странно она всегда считала, что Андрей занимает слишком много жизненного пространства. Но когда он уходил – все его вещи оказались в двух небольших сумках. Да ещё Дашка на поводке. Интересно где он сейчас? Живёт у очередной подружки? Или снял себе квартиру? Впрочем, какая разница, теперь её это совершенно не должно волновать! Он давно как выяснилось совершенно чужой для неё человек. И Лорик, и мама в один голос твердили ей, чтобы она разводилась, вот теперь всё позади.

Таня прошлась по комнатам, и присела в его любимое кресло, включила компьютер. Именно здесь он последние годы проводил почти всё время. Что-то писал, просто сидел, думал о чём-то. Эта комната была его суверенной территорией только больше он в неё не войдёт. С того дня как он ушёл, Таня сюда почти не заходила, только сегодня, когда развод был уже позади, она решила освоить это новое для неё жизненное пространство. Муж переселился сюда, сразу же, как сын переехал в свою квартиру. Переселился, и как бы отрезал окончательно тонкой дверью свою личную жизнь от жизни Татьяны. Внешне всё продолжалось по-прежнему, тот же кофе в постель по утрам, то же внимание, только он совершенно перестал с ней общаться, даже заговаривать о постели. Таня, подождав несколько месяцев, решила поговорить с мамой. Сообщив мужу, что на завтра ей нужны билеты, спокойно начала собираться. На следующий день, рано утром, он отвёз Таню на вокзал. Всего пять часов, и мама уже обнимала любимую дочь у себя дома.

– Ну, как у тебя дела? Рассказывай! А то последнее время только по телефону и общаемся. Так у тебя с твоим тираном? Всё ещё ноет или приутих, наконец?

– Знаешь мама, приутих и, причём основательно. С тех пор, как сын отселился, он ко мне в комнату даже и не заглядывает практически. Даже приставать перестал.

– Ну, детка, ты не забывай, что ему уже не двадцать, и даже не тридцать лет. Может быть, ему это уже и не очень нужно. Или ты страдаешь по этому поводу? Зря, если тебе будет нужен мужчина для постели, всегда можно завести себе молодого любовника. Ты у меня красавица, так что грустить пожалуй не стоит. Не забывай, кто ты, а кто он. Он как не стоил твоего мизинца, так и не стоит до сих пор.

– Я понимаю мама, но меня это начинает немного беспокоить. Понимаешь, раньше он проявлял ко мне интерес, а теперь словно меня и не существует.

– Значит, он уже состарился. Не переживай, мы с тобой вели правильную политику. Не такой уж он и супермужик, мне так никогда не нравился. Невзрачный, упрямый, что в нем ты нашла я не понимаю.

– Но всё-таки, может быть, с ним нужно было вести себя как-то иначе?

– Вот ещё! Зачем? Он у тебя на поводке, ты можешь приказать ему всё, что угодно. А он выполнит, потому, что в твоём праве попустить его к себе или оттолкнуть. Всё ведь в твоих руках доченька. Да и заменить его ничего не стоит, если что, разведёшься и найдем тебе, наконец, достойную партию. Вспомни, я замуж за Михаила Андреевича вышла, когда

мне было уже за пятьдесят, и ничего живём себе. Так, что тебе беспокоиться совершенно не о чем.

Когда через две недели Таня вернулась, муж, как обычно встретил её на вокзале. Задав привычные дежурные вопросы, привёз домой, накрыл на стол, накормил, напоил чаем и ... ушёл в свою комнату. Вроде бы всё было как обычно, с той лишь разницей, что он даже не поцеловал её. Впрочем, Таня не слишком огорчилась. Подумаешь, не такое большое счастье целоваться с ним. Буквально на следующий день к ней забежала Лорик.

– Ты знаешь? Похоже, у твоего козла появилась очередная пассия. Его видели, когда он рассекал по городу с женщиной.

– Да ну, он уже давно ни на что не годен! Зачем ему женщина? Он может уже только смотреть.

– Откуда такая уверенность? – лукаво сощурила глаза Лорик.

– Подруга, кому как не мне знать? Он уже, наверное, лет пять, как он ко мне даже не прикасается.

– Да ты что? А как же ты выдерживаешь? Как ни крути, но мужик то нужен.

– Но я же пока обхожусь!

– Вижу, как обходишься, глаза тусклые, настроение никакое. А ты уверена, что он уже не может?

– Не знаю. Раньше он постоянно меня домогался, а потом всё реже и реже.

– А сама?

– Что сама? Мне что самой его раздражить? Ну, ты скажешь! Мама всегда мне говорила, чтобы не очень-то шла на уступки. Разок – другой в месяц подпущу, бывало, и хватит. Впрочем, когда это было!

– А он что? Терпел? Никогда не поверю!

– Скажи, а что ему оставалось делать? В конце концов, я ведь решаю, когда и как.

– Ты что серьёзно? Может он того, импотент?

– Нет, не похоже, я видела совершенно иную реакцию. Просто мама всегда говорила, чтобы я не слишком баловала его сладким. Вот и держала всё время его на голодном пайке, чтобы не разбаловался.

– Тань, но мужик ведь не может без этого! Они же с ума сходят, если им периодически не давать!

– Мой же не сошёл! Живём.

– А сама как, неужели не хочешь?

– Как тебе сказать, сначала, конечно, трудно было, а потом привыкла.

– А ты не допускаешь, что он всё время по бабам бегал? Пока ты из себя недотрогу строила?

– Слушай Лорик, а не всё ли равно? Живёт-то он со мной.

– Ну, как знаешь. Я бы его на твоём месте, всё же попробовала совратить. Интересно же. Может он ещё в постели чего-то стоит.

В тот же вечер Таня, разыскала своё любимое бельё, выходя из ванной, накинула на плечи роскошный пеньюар и вошла в комнату мужа. Тот по обыкновению, что-то писал. Услышав шаги за спиной, тут же закрыл страницу и на мониторе, словно по мановению волшебной палочки, возник весенний лес.

– Ты хочешь чай или кофе? – обернулся он.

В стёклах очков отразилась люстра. Из-за этих проклятых стёкол никогда не возможно было рассмотреть выражение его глаз.

– Как я выгляжу? – кокетливо спросила Татьяна и томно потянулась.

– Ты выглядишь, как всегда, великолепно. Но я не понял, что тебе сделать? Чай? Кофе?

– А что если нам сегодня немного расслабиться? Может, устроим романтический ужин?

– Хорошо, подожди немного, я закончу через несколько минут.

– Ничего если я посижу здесь?

Андрей вместо ответа сохранил информацию, и, выключив компьютер, вышел из комнаты. Вскоре, с кухни потянулись весьма аппетитные запахи.

– Стол накрыть в твоей комнате? Или в гостиной? – спросил он, появившись бесшумно в дверном проёме.

– Что? – переспросила Татьяна, поворачиваясь так, чтобы пеньюар распахнулся и продемонстрировал её холёное тело. – Лучше, пожалуй, у меня.

Хорошо, через минуту всё будет готово, – невозмутимо ответил муж, словно бы не заметив ничего особенного.

Когда Татьяна вошла к себе, на столе уже горели свечи, стояла ваза с фруктами, на тарелках исходило ароматным паром жареное мясо с тушёными овощами, уже открытая бутылка красного вина завершала композицию. Огоньки свечей романтично играли на хрустале бокалов. Телевизор был переключен на музыкальный канал, но звук продуманно приглушен. Да, что и говорить, умел он создать романтическую атмосферу.

– Я поставил пиццу, если ты захочешь, она скоро будет готова, – сказал Андрей, наливая ей вино.

Таня посмотрела на огонёк свечи сквозь темное вино и изящно коснулась губами края бокала.

– За что мы будем пить? – понизив голос, спросила она.

– Разве обязательно пить за что-то? – переспросил Андрей.

Он сел напротив неё, и Таня решилась пустить в ход своё главное оружие. Она забралась с ногами на диван и теперь свернулась словно кошка, демонстрируя пластику и гибкости её точёной фигурки.

Андрей, тем не менее, спокойно ел, запивая мясо терпким вином, и казалось, совершенно не обращал на жену ни малейшего внимания. Когда мелодично звякнул таймер плиты, он встал, и через минуту принёс великолепную пиццу, которую редко найдёшь даже в итальянской пиццерии. Слов нет, но готовить он был большой мастер. Вот только жену он по-прежнему упорно не замечал. Когда же Таня слегка возбуждённая вином и едой начала бросать на него совсем уж откровенные взгляды, Андрей напрямую спросил:

– Ты хочешь ещё что-нибудь?

– А если я скажу, что хочу тебя? – промурлыкала Татьяна.

– Могу я поинтересоваться зачем?

– Как это? Мы не были близки достаточно давно и ... – несколько опешила Татьяна.

– И что из этого следует? – поднял бровь Андрей.

– Мы могли бы, так сказать ... Я имею в виду, что ты мой муж, и я имею право на то, чтобы мы ... Ну, словом ты уже давно не трогал меня. Ты, что не допускаешь, что я могу тебя захотеть?

– Почему не допускаю? Ты живой человек, у тебя вполне могут возникать определённые желания. Это естественно. Только я не совсем понимаю, причём здесь я? – негромко, но твёрдо сказал Андрей.

– Но, ты мой муж и, наверное, уже пора!

– Прости, но насколько я помню, уже несколько лет такой вопрос у тебя не вставал? Что случилось? Ты рассталась с любовником? Или он тебя уже не удовлетворяет?

– Андрей! Как ты можешь такое говорить! У меня никогда не было любовника! Ты единственный мужчина, с которым я ложилась в постель!

– Положим, не слишком часто.

– Это не имеет значения! Сейчас я хочу! – возмущённо, уже едва не кричала Таня.

– Прости, но это невозможно, – спокойно, даже несколько равнодушно ответил Андрей.

– Но почему?! Мне кажется, что теперь, когда мы остались одни, ничто не должно сдерживать наших чувств, и мы вполне можем начать жить для себя!

– У нас, что не было времени, которое мы могли бы посвятить друг другу? Мне почему-то кажется, что, прожив без малого, двадцать пять лет вместе, мы вполне можно было найти и время и возможности для близости.

– Но разве не ты настаивал всё время на этом? – голос Татьяны уже звенел, как струна.

– Да! Я не только настаивал, но и умолял, едва ли не ползал перед тобой на коленях.

– Так в чём же теперь дело?

– Потому, что не хочу я, – глядя в глаза жене, ответил Андрей.

– Этого не может быть! Но почему!?

– Наверное, перегорел. У меня уже не осталось никакого желания.

– Но других-то ты трахаешь! Мне многое о тебе рассказали!

– Прости, но тебя это совершенно не касается. У тебя было достаточно времени, чтобы всё осознать и начать жить, так как живут нормальные люди.

– Как? Какие нормальные люди? У тебя всю жизнь на уме был только секс! Ты готов был вылезти из кожи, только бы разложить меня на постели! В семье это не главное. Ты как был грубым, не отёсанным солдафоном, так им и остался! У тебя нежность проявлялась только в постели! Ты просто хам!

– Таня, ты всё сказала?

– Да! Ложись, я хочу, чтобы эту ночь ты посвятил мне!

– Я уже сказал тебе, что не хочу. И не могу. У тебя, повторяюсь, было достаточно времени, чтобы понять меня и мои желания, но ты не удосужилась снизить. Так, что давай без обид, – Андрей встал, и больше не говоря ни слова, ушёл к себе.

Скоро уже начнётся горячая пора. Ирина сидела за компьютером и просматривала почту. Судя по всему, в этом году удастся, наконец, заработать вполне приличные деньги, уже сейчас заявок на отдых в их пансионате было более чем достаточно. Конечно, оставались какие-то окна, но в целом на весь сезон места уже были расписаны. Во дворе визжала бензопила, Пётр снова, что-то улучшал и перестраивал. В этом году исполнится три года как они вместе. Целых три года счастья, Ирина, порой даже не могла поверить в то, что у неё в жизни будет что-то подобное. Тем не менее, это случилось и не с кем-нибудь, а именно с ней. Всего три года назад она и подумать не могла, что, отправляясь навестить брата, лежащего в госпитале после очередного ранения, она повстречает свою судьбу.

Всю жизнь ей не слишком везло с мужчинами. Те, что попадались не шли ни в какое сравнение с братом. А именно он, да ещё, пожалуй, отец, для Ирины были образцом мужчины. Оба были настоящими офицерами, с той самой, передающейся из поколения в поколение, армейской закалкой. В их роду, почти все мужчины служили, ещё при царе-батюшке, как, что было с кем сравнить. Но так сложилось, что с ней знакомились исключительно какие-то маменькины сынки. Только однажды она повстречала мужчину, с которым чувствовала себя комфортно, даже вышла за него замуж, да вот незадача, он хотел иметь детей, а Ирина оказалась бесплодной. Давно, ещё в студенческие годы, она занималась водным туризмом. Спорт, скажем прямо, не совсем женский. Однажды на сплаве, на Вишере, их плот разбило на пороге. Повезло. Спаслись все, но Ирина тогда сильно застудилась. Не придав особого значения, упустила время, лечиться не стала и как результат полное бесплодие. Как не горько было, но с мужем пришлось расстаться. Вот потом и потянулась черед никчемных мужичков, которым не было никакого дела до души, а лишь бы до тела добраться. Ирина уже

считала, что выгорела вся изнутри, ничего не осталось в душе кроме пепла. Но в тот момент, когда вместе с женой Кирилл она вошла в палату, ей в глаза бросилось лицо мужчины, о котором она мечтала всю жизнь.

Пётр служил вместе с Кириллом, они даже ранены были в одном бою. О том бое она так ничего и не узнала, ни от брата, ни от Петра. Они, в равной степени не любили рассказывать о войне. Но когда Лиза, жена Кирилл, вернулась в Москву, Ирина решила остаться. Денег не было, пришлось устраиваться работать. Работу продавца на местном рынке она нашла достаточно быстро. Платили, конечно же, очень мало, едва хватало на то, чтобы заплатить за жильё, да на скромные передачи для брата и Петра. Но как бы то, ни было, Ирина не унывала. Главное, что она здесь, рядом с мужчиной, которого полюбила. Проводя всё свободное время у постели Петра, она ясно видела, что Петр просто уже не может обходиться без неё. Именно она помогала ему делать первые шаги, перебитое пулей бедро срасталось плохо, но всё же, через месяц, Петр достаточно уверенно начал ходить, сначала на костылях, а затем и палочкой. В тот день, когда Кирилл выписался из госпиталя, Ирина не в силах больше сдерживаться, осталась с Петром наедине в госпитальной палате. Эта ночь, полная безумной страсти и жарких признаний стала первой, когда Ира по-настоящему поверила в то, что она любима. Так сложилось, что у них оказалось всё наоборот, не он, а она ухаживала за ним, приносила цветы и конфеты, да и первый шаг к сближению, Ирина сделала сама. И вовсе не потому, что Пётр был для неё ведомым, просто так сложились обстоятельства.

Комиссия признала капитана Петра Леонидовича Зброевского негодным к строевой службе. Это известие сильно расстроило Петра, но зато вызвало бурю восторга у Ирины. Через месяц, они поженились. С тем диагнозом, что оказался у Петра при выписке из госпиталя, нужно было серьёзно думать, где жить. Климат его родины не подходил абсолютно. Необходимо было искать новый дом значительно южнее. Поначалу хотели осесть в Крыму, но цены откровенно отпугнули. Так они попали сюда, в маленький курортный городок неподалёку от Аккермана.

На первое время они сняли крошечный домик, за такую смешную цену, что даже не сразу поверили в то, что это реальность. Лишь немного погодя им попался этот коттедж. Донельзя запущенный, унылый. Но Петр оказался мастером на все руки. Уже в августе они смогли принять первых постояльцев. Появились хоть и небольшие, но свои деньги. В начале зимы к ним приехал Кирилл. Погостив всего лишь пару дней, он вернулся к своей работе, но оставил на развитие пансионата довольно приличную по здешним меркам сумму. Уволившись из армии, Кирилл занялся бизнесом и теперь понемногу начинал становиться на ноги.

Пётр всю зиму вкалывал как одержимый, и к весне дом начал понемногу обретать вполне приличный вид. Чтобы начинать работать серьёзно, Ирина заказала на одной фирме собственную страничку в Интернете. Весной начали поступать первые заявки, пусть не слишком много, но как говорится, лиха беда начало. Тем временем, Пётр начал полностью переоборудовать комнаты для постояльцев. Вместе с Ириной, они тщательно продумали все нюансы, и к сезону их пансионат уже вполне мог конкурировать с другими давно известными.

Неприятности начались, когда первый заезд уже прибыл. Пётр как обычно возился во дворе, когда в ворота вошёл неприметный паренёк и начал о чем-то разговаривать с ним. Ирина видела, что беседуют они вполне мирно, и не вмешивалась, лишь после его ухода Пётр поднялся на террасу чернее тучи.

– Что произошло Петя? – испуганно спросила Ирина, и осеклась, поймав взгляд мужа.

– На нас наезжают, и вполне серьёзно. По-взрослому.

– Рэкет?

– Да, будь он проклят. Требуют пятьсот долларов в месяц, в противном случае, грозятся принять меры.

– Но у нас просто нет таких денег!

– А вот это объяснить им не удастся. Мальчик заявил, такова такса.

– Он что тебе угрожал?

– Ира, я думаю тебе лучше на время уехать к брату. Я постараюсь развести ситуацию, но у меня должны быть развязаны руки. Я боюсь, что если всё пойдёт не так, как я планирую, ты можешь оказаться под ударом.

– Петя, не говори ерунды, я в состоянии за себя постоять! Тем более, место жены рядом с мужем, а не где-то далеко.

– Иринка, пойми, нам объявили войну. Это очень серьёзно, я не в праве тобой рисковать.

– Я останусь с тобой. Если всё настолько серьёзно, то я не хочу остаться одна. Ты просто не имеешь права оставить меня им. Мы будем бороться до конца.

В эту ночь, последнюю мирную ночь, они любили друг друга как в последний раз, словно прощаясь навсегда.

В тот вечер Волошин вернулся домой позже обычного. Когда он подъезжал к дому, ему показалось что у подъезда, в свете фар, мелькнула знакомая фигурка. Посетовав на усталость, Волошин запер машину и пошёл к дому. Как ни странно, но ему не померещилось, у двери и в самом деле стояла Галя.

– Добрый вечер. Давно здесь стоите? – поздоровался Волошин.

– В общем, нет, то есть да. Вот, только замёрзла совсем.

– А почему здесь? Что Милочка ключи не дала?

– Да нет, я же на одну ночь останавливалась. Утром отдала ключи и теперь не знаю что делать.

– Ну, проходите, подумаем, как нам быть, – Волошин отпер дверь и впустил Галю в подъезд. – А вы, что даже телефон у неё не взяли?

– Нет, я, честно говоря, рассчитывала вернуться домой, но...не смогла.

– Проходите, пока ко мне, я сейчас свяжусь с Милой. Может, пока то, да сё, чай? Раздавайтесь, вы ведь продрогли совсем.

Галя послушно сбросила шубку и, повесив её рядом с курткой Волошина, прошла на кухню.

Волошин первым делом водрузил на плиту чайник и лишь затем, позвонил. Милочки дома не оказалось.

– Вам не повезло! Куда вас теперь девать ума не приложу. Милы нет, когда появиться неизвестно.

– А можно я у вас, ну хотя бы, на кухне переночую?

– Да неудобно вроде. Вы знаете что! Нырять в ванну, попробуйте для начала согреться, а я пока ужин приготовлю, – Волошин вышел и, вернувшись через минуту, протянул Гале свежее полотенце. – Вот возьмите и грейтесь.

В доме Волошина женщины появлялись редко, а ночевать вообще оставались единицы, так, что поводов для некоторой растерянности у него хватало. Волошин бросил на сковородку пару солидных кусков мяса, поставил воду, что бы отварить овощи, подумав, достал вчерашнюю бутылку коньяка. Чайник пронзительно засвистел, сообщая, что уже пора выключать. Волошин заварил чай и, перевернув мясо, начал накрывать на стол. Он уже раскладывал еду по тарелкам, когда за спиной раздался восхищенный голос Гали:

– Ууу, как тут вкусно пахнет!

Обернувшись, он увидел её, такую трогательную в огромном махровом полотенце.

– Я решил, что вас стоит покормить. Вы замёрзли и наверняка, проголодались, – и, подумав, добавил. – Я сейчас найду вам что-нибудь из одежды. По размеру, конечно, не подберу, но, всё же, лучше чем в этой тоге.

Он принёс ей тёплую фланелевую рубашку и шорты. Галя на минуту скрылась в ванной и уже предстала перед Волошиным совершенно в ином виде. Не ясно, что она сделала с шортами, но рубашка ей доставала практически до колен.

Разлив по бокалам коньяк, Волошин жестом пригласил Галю к столу. Спокойно, без малейшего жеманства Галя сделала добрый глоток благородного напитка и принялась за мясо, едва не урча. Долгое стояние на холоде, разбудило в ней прямо таки зверский аппетит.

Волошин вполглаза наблюдал за ней, и с каждой минутой она нравилась ему всё больше. Ей не было и тридцати, очень хорошенькая, если не сказать красивая. Сегодня она совершенно не походила на вчерашнюю заплаканную, на грани истерики, женщину. Порозовевшая от горячей ванны, она казалась чертовски привлекательной. После ужина, Волошин, для очистки совести ещё раз позвонил Милочке, но разговаривать с автоответчиком не стал. По-хорошему, пора было бы уже завалиться спать, но немного стеснённый неожиданной гостьей, Волошин включил телевизор и, плеснув ещё понемногу коньяка в бокалы, предложил ей посмотреть какой-то фильм. Совсем по-семейному они устроились рядом на диване и наблюдали за развитием сюжета, пока Галя не начала откровенно зевать.

Выиграв недолгий спор кому, где спать, Волошин оставил Галю в комнате на диване, а сам ушёл на кухню. Он долго ворочался на узком диванчике, пока не нашёл положение в котором кое-как сумел разместиться.

Волошин уже почти уснул, когда Галя присев рядом, положила ему руку на плечо.

– Саша, не мучайтесь, идёте ко мне. Я очень прошу вас. Поверьте, мне совсем не просто просить вас об этом.

– Галя, мне трудно будет сдержаться в одной постели с вами.

– А я и не прошу вас сдерживаться. Совсем наоборот! – она взяла Волошина за руку и положила её себе на грудь.

– Тебя куда отвезти, ты, где работаешь? – Допивая кофе, спросил Волошин Галю утром, когда они впервые завтракали вдвоём.

– На Академическую, если не трудно. Я уже опаздываю.

– Тогда пошевеливайся. Дверь захлопни, а я пока машину прогрею, – бросил Волошин, уже натягивая куртку.

Остановившись, он спросил Галю:

– Ничего если я тебя вечером подхвачу?

– Мне будет приятно! В шесть, самое позднее, в шесть пятнадцать. Тебя устроит?

– Вполне, значит здесь на этом месте.

– Да, до вечера.

Выскочив из машины, Галя, подхватив поудобнее сумочку, слилась с толпой спешащих на работу людей.

Передав машину водителю, наконец, оправившемуся от болезни, Волошин вернулся домой и тщательно навёл порядок, всё же принимать Галю стоило в хорошенько убранной квартире. То, что произошло сегодня ночью, очень сильно взволновало его, мало того, что у него давно не было женщины, но та естественность, с которой у них всё получилось, давала надежду на то, что Галя задержится в его жизни надолго. Сегодня вечером он привезёт её к себе, и постарается сделать всё возможное, чтобы она не задумывалась ни о чём. Очень хотелось сделать её счастливой.

План был прост как всё гениальное, оставалось лишь претворить его в жизнь. Пётр быстро нашёл с кем переговорить и теперь сидя в маленьком кафе, ожидал нужного чело-

века. Кофе давно остыл, а клиент явно опаздывал, ну что ж, теперь это не имело большого значения. А вот и он, ну, конечно же, во всём белом.

- Ты принёс? – не здороваясь, по-хозяйски усаживаясь, бросил молодой человек.
- Что ты будешь? Кофе, сок или коньяк? – смиренно спросил Пётр.
- Ты мне не тычь, уважение проявляй! – вскинулся человек в белом костюме.
- Да ладно тебе, ты мне в сыновья годишься.
- Если бы у меня был такой сцулявый папаша, я бы его ещё пацаном зарезал, ясно тебе?
- Куда же яснее. Ну, не хочешь, твое дело, пошли у меня всё в машине.
- Во, блин, а говорил бабок нет, на что тогда тачку купил? – ухмыльнулся молодой

человек, но, тем не менее, встал и последовал за Пётром.

Они свернули в узкий переулок, в тупичке действительно стояла старенькие Жигули. Молодой человек едва успел посмотреть на неё, как локоть Петра, словно снаряд, врезался ему в живот. Последнее что успел заметить парень в белом костюме, это старый растрескавшийся асфальт, да ещё услышать хруст, ломающейся от удара, собственной шеи.

Быстро оглядевшись, Пётр открыл багажник и, забросив уже бездыханное тело, сел за руль. Проехав несколько кварталов, он тщательно вытер платком всё, к чему прикасался, и, не запирая машину, удалился прочь, сегодня предстояли ещё две встречи.

Домой Пётр вернулся поздно ночью, не зажигая свет, прошёл в крохотный закуток, и, достав из тайника пистолет, неторопливо разобрал его, и тщательно смазал. Ирина вошла, когда он как раз дослал патрон в ствол.

- Это что? – шёпотом спросила она, увидев оружие в руках у мужа.
- Это? Пистолет, «Гюрза» «9мм Рага». Хороша доложу тебе штука, – ничуть не смутившись, ответил Пётр.
- Но зачем? Ты что собираешься с его помощью вести войну?
- Сейчас я не собираюсь ни с кем воевать, но когда я уйду, ты запрёшь за мной дверь и ляжешь спать.
- Ты что собираешься мне оставить одну?
- Я вернусь, самое позднее, утром. Но если что-то пойдёт не так и меня утром не будет, тогда бросай всё и уезжай к брату.
- А ты? Что будет с тобой?
- Мне нужно встретиться с одним человеком. Я не знаю, сколько времени займёт разговор и к чему он приведёт, но лучше готовиться к самому худшему. Если я договорюсь, то вернусь часа через два, может три. Если не договорюсь, утром ты должна будешь уехать.

Он крепко поцеловал потерявшую дар речи жену и выскользнул из дома, бесшумно, словно призрак.

Крохотный ресторанчик был практически пуст. Пётр подошёл к стойке и едва слышно спросил бармена:

- Хозяин у себя?

Тот, молча, кивнул в сторону неприметной двери, за спиной. Едва Пётр вошёл, как навстречу ему поднялся крепкий мужчина средних лет.

- Мне нужен хозяин, – твёрдо заявил Пётр.
- А ты ему? – вопросом на вопрос ответил крепыш.
- Ну, как знаешь, – как-то подавленно обронил Пётр и, понутив голову начал поворачиваться к двери, но в следующий миг его нога уже впечаталась в грудь крепыша.

Тот, не успев даже охнуть, отлетел к противоположной стене и, с грохотом врезавшись в преграду, сполз на пол бесформенной кучей. Пётр рванул на себя неприметную, но явно тяжёлую дубовую дверь и исчез за нею.

- За такое вино, можно отдать полжизни Василий! Прощайте. – Уже выходя, сказал Пётр и закрыл дверь. Крепыш ещё только начал подавать признаки жизни.

Небо ещё даже не начинало блекнуть перед рассветом, когда он вошёл во двор пансионата. На террасе стояла, завернувшись в шаль, Ирина.

Татьяна тогда очень сильно обиделась, задета была её гордость. Ещё бы, как он посмел отказать ей! Но странным было другое, казалось совсем ещё недавно никто иной так Андрей просто умолял её о близости, а она его отвергала, и вдруг ситуация в корне изменилась. Почему? У него есть другая женщина? Если так, то он её попросту предал! Кто он вообще такой?! Что возомнил о себе?! Назвать его красивым совсем нельзя! Да, возможно он обаятелен, но не более того, да и как любовник не так уж он, наверное, и хорош. По крайней мере, Таня хотела так думать. С ней он раньше пытался что-то экспериментировать, но она всегда запрещала ему выходить за установленные ею самой рамки. А если вдруг он и вправду что-то мог? Теперь после его отказа, она уже не могла этого узнать. На следующий день, едва раскрыв глаза, она увидела на столике перед постелью привычный поднос с чашкой горячего кофе, и тарелочки с бутербродами и салатом. Позавтракав, Таня позвонила подруге, необходимо было срочно обсудить произошедшее. Рассказав подробно о вчерашнем, так и несостоявшемся романтическом ужине, Таня вместе с Лориком, начали обдумывать план дальнейших действий.

– Слушай, Танюха, у тебя же есть деньги. Закажи его! – вдруг выдала Лорик.

– Знаешь, даже если он мне и изменяет, я думаю это не повод для его убийства, – с некоторым сомнением в голосе ответила Таня.

– Нет, я не в этом смысле! Проследить! Ну, с кем он там крутит, где, и всё такое.

– Я же не знаю никого, только у Глеба сыскное бюро. А они, кажется, дружат.

– Тогда я не знаю, разве что самим. Как ты думаешь?

– Может быть и стоит попробовать, только как-то унижительно. Следить, высматривать.

Нет, наверное, не решусь.

– Ну, как знаешь. Я бы за ним проследила с удовольствием. Да его за вчерашнее, вообще стоит всего дерьмом измазать. А ты все ещё с ним церемонишься. Подумай. Кстати, его вчера опять видели, но, кажется, с другой. Роскошная блондинка, на полголовы выше его. Вообще умора! Что она в нем нашла, а как ты думаешь?

– У него дизайнер работает, Марина, тоже блондинка, и очень красивая, может это она?

– А я почему знаю, видели твоего кобеля с блондинкой! Вот и всё, что я знаю.

– Ну, и чёрт с ним, пусть делает, что хочет, но к себе я его больше никогда не подпущу.

– Вот это правильно! Нечего! Не на ту напал! А то муж, муж, а он вот как выкобенивается. Как ты думаешь, а сын может знать о его выкрутасах?

– Я же не имею представления, насколько они близки, может знает, а возможно и нет. Спроси!

– Видишь ли, Лорик, я не понимаю, чего ему не хватало? Живём мы, кажется, не так уж и плохо. Я прекрасно знаю, что выгляжу очень неплохо, со мной не стыдно выйти и, тем не менее, он постоянно чем-то недоволен.

– Кобель он у тебя! Как заметит кого на горизонте, сразу забывает, что у него жена есть. Может тебе развестись? Скажи, зачем он тебе нужен? Вы с ним как ты говоришь, давно не спите вместе. Только и заботы, что корми его да обстирывай.

– Да и этой заботы нет, он меня кормит, и сам себя обстирывает уже лет десять. Мы как-то с ним поругались по поводу грязных носок, ну он и начал всё своё стирать. Я сначала обрадовалась, а теперь чувствую, что изменения начались уже тогда. Волю он прочувствовал, что ли?

– Вообще-то твой хоть не пьёт, я со своим развелась из-за пьянки. Уже двадцать лет скоро, и ничего, живу вполне нормально. Может и тебе стоит, подумай Танюша.

– Да мне и мама говорит, то же самое.

– Таня, а у тебя у самой на примете, кто-нибудь есть?

– В каком смысле?

– Ну, там, друг, или любовник?

– Нет, ты что, я вообще не думала даже над этим.

– Слушай, ну ты смешная честное слово. Он с тобой не спит, а ты даже любовника не завела! Чего ты его бережешь? Да посылай туда подальше, заведи себе хорошего мужика и делай с ним что вздумается!

В тот раз, проводив подругу, Таня впервые всерьёз задумалась о разводе. В сущности, что она теряет? Мужа, который числится только номинально и всё! Так зачем он ей нужен? Приняв окончательное решение, она собралась духом и... позвонила маме. Та, выслушав дочь, тут же горячо поддержала...

Вот теперь всё позади, она свободна, только почему-то радости особой Татьяна не почувствовала. За долгие годы совместной жизни, она привыкла к тому, что Андрей постоянно где-то рядом. Пусть недовольный, пусть раздражённый, пусть усталый, но где-то здесь. Теперь его не стало. Он даже не звонил ей, словно вычеркнул из своей жизни и забыл о том, что она существует. Так было не правильно. Несколько раз Таня набирала его номер, но тут же, бросала трубку, даже не дожидаясь соединения.

В тайне Татьяна надеялась, что он попросит у неё прощения, и уговорит забрать заявление, как уже делал не раз.

Дело в том, что она уже несколько раз подавала заявление на развод, на то было достаточно по её мнению причин, но довольно быстро поддавалась на уговоры Андрея и пару раз действительно забирала заявление, а однажды когда окончательный разговор состоялся в ночь перед судом, просто не пошла на заседание. Но в тех случаях, он ни разу не собирал вещи и не уходил. Теперь всё сложилось иначе. Он не вернётся.

Волошин остановился практически на том же месте, где утром высадил Галю. Часы показывали ровно шесть часов вечера. Он закурил и внимательно просматривал спешащих домой людей. Пропустить Галю было никак нельзя, утром он забыл ей сказать, на чём он приедет, и теперь боялся, что, не заметив на стоянке белый микроавтобус, она просто не подойдёт. Сигарета ещё не догорела до конца, когда из подземного перехода вынырнула ей лёгкая фигурка. Волошин вышел из машины и двинулся ей навстречу.

– Галя! Я здесь! – окликнул он её как раз в тот момент, когда она растерянно искала глазами белый «Мерседес».

– Привет! А я уже подумала, что ты меня решил бросить! – воскликнула она, наконец, заметив Волошина совсем рядом.

– На это ты можешь даже не надеяться. Ты не замёрзла?

– Нет, я же здесь близко работаю. А ты где бус поставил? Я его не видела.

– Бус сейчас на маршруте. Работает. Я на другой машине приехал. Идём.

Волошин усадил Галю в не слишком новый «Пассат» и, выруливая с тесного паркинга, спросил:

– Мы сейчас прямо домой или нужно куда-нибудь заезжать?

– Не помешало бы, заехать куда-нибудь в магазин, а то все мои вещи на мне. Завтра опять на работу, а у нас так не принято.

– Ясно, тогда, говори куда ехать.

Когда загруженные покупками, они подошли к кассе, Волошин не позволил, Гале рассчитаться, а заплатил за всё сам.

– Не ставь меня в неловкое положение, с тобой рядом мужчина, – шепнул он ей, когда Галя только полезла в сумочку за кошельком.

– Мне так неудобно, мы с тобой дома разберёмся, – так же шёпотом ответила она.

Дома Волошин принялся, было, готовить ужин, но Галя, заявив, что это совсем не мужское дело просто выгнала его из кухни. Как-то так получилось, что она моментально освоилась на новой для неё территории, и с этого момента жизнь Волошина изменилась столь радикально, что очень скоро он уже не представлял, как можно жить одному.

Каждые вечер он забирал Галю с работы и вез домой. Не делая секрета из своего бизнеса, он ввёл её в курс дела, и вскоре она установила на его компьютер весьма удобную программу, позволяющую оптимизировать учет работы его маршруток.

Пусть их было пока не так много, всего лишь три, но считать всё на бумажке отпала необходимость. За прошедшие после увольнения из армии три года, Волошин достиг пусть не многого, но в то же время обеспечил себе достойную на его взгляд жизнь.

Как-то вечером, он рассказал Гале о том, как сложилась его биография. Ещё учась в школе, Саша Волошин начал заниматься парашютным спортом. Его мечта – стать летчиком не осуществилась по ряду причин, но вертолёт, то же не плохо. После окончания училища, новоиспечённый лейтенант Александр Болеславович Волошин, вместе с молодой женой отбыл к месту прохождения службы. Всё складывалось, казалось, как нельзя лучше. Только вот проблемой стала именно молодая жена. Она очень быстро заскучала, в гарнизоне не было практически никаких развлечений, а быт откровенно заедал её, в общем, не прошло и полугода как они развелись, и Волошин остался один. Но, как ни странно, после отъезда жены он вздохнул с облегчением. Кормили в офицерской столовой вполне прилично, стирки и уборки оказалось не так уж и много, а доступных развлечений ему вполне хватало и на территории гарнизона. Так продолжалось пока полк, в котором служил Волошин, не перебросили в Афганистан.

Война тогда уже была в самом разгаре. Вертушки срывались на задания каждый день. Будь то сопровождение колонн или же обработка закрепившихся в горах банд. Так что летать приходилось много и порой весьма рискованно. Дважды старшему лейтенанту Волошину приходилось сажать горящую машину. Потери в полку было просто огромные. «Стингер» мог ударить практически с любого места. Да и тяжёлые крупнокалиберные «Браунинги» то же вносили свою лепту, за считанные секунды, превращая в решето вертолёт. Особенно тяжело приходилось, когда нужно было эвакуировать возвращающиеся с поиска группы десантников. Часто под шквальным огнём, удерживая машину над самой землёй, принимали на борт раненых. В такие минуты Волошин чувствовал себя просто-напросто мишенью. Да и не один он, всё кто побывал в этом аду, по-настоящему узнали цену жизни.

Но, всё же, Волошину повезло, он остался жив и вернулся в Союз, имея всего одно ранение и пригоршню наград. Несколько лет затишья он провёл в небольшом сибирском гарнизоне. Грянувшая перестройка, стала для капитана Волошина едва ли не катастрофой. Не потому, что он потерял идеалы, нет. Просто пришлось откровенно выживать. Таксил, в свободное от службы время, подрабатывал где только мог. По счастью семьи у него не было, а вот тем его сослуживцам, что вынуждены были кормить детей, приходилось совсем худо. Из полка ушли тогда очень многие, Волошину же уходить было некуда. Он остался.

С началом первой чеченской войны полк, в котором он служил, перебросили на Кавказ. И понеслась очередная карусель. Неподальёку от Грозного, в начале весны его МИ-24 поймал «стрелу», повезло, высота была небольшая. Удалось посадить горящую вертушку, а затем с боем прорываться к своим. Уже на земле, Волошин, возглавлявший группу, потерял половину людей. Два дня почти непрерывных боёв измотали, обескровили оставшихся в живых, но они пробились, даже вытащили с собой раненых. После госпиталя, майор Волошин был назначен заместителем командира эскадрильи. Новая машина, полученная взамен сгоревшей, уже имела улучшенное бронирование, более сильное вооружение и в большей степени отвечала условиям здешней, непонятной войны. К тому времени строю оставались только самые бесшабашные пилоты. В самом деле, чтобы летать на минимальной высоте и

гонять по зелёнке, малочисленные, но до зубов вооружённые группы чеченцев, необходимо было забыть о том, что смерть где-то рядом. Волошин, никогда сидя за штурвалом, не задумывался над этим. Может быть, именно поэтому ему везло. Везло до последнего времени.

Они уже возвращались с очередного патрулирования. Весь полёт, не происходило ничего особенного. До базы оставалось не более двадцати минут лёта, когда из зелёнки по машине ударили из ДШКа. Блистер не выдержал. В плечо горячо толкнуло, и рука повисла плетью.

– Леха, держи машину, меня зацепило! – крикнул Волошин, заваливая машину влево.

В аккуратные отверстия, оставленные крупнокалиберными пулями, врывались обжигающе холодные струи воздуха.

– Леша держи! – повторил Волошин, но не услышал ответа. Лишь взглянув на второго пилота, он понял, что вести машины придётся самому. Леха мёртво завалился набок, из-под шлема вытекало красное.

Преодолевая боль и головокружение от потери крови, Волошин связался с базой. О том чтобы самому ответить огнём по врагу, не было и речи, дотянуть бы до площадки. Он добрался и даже вполне прилично посадил машину. Вот только выбраться уже не хватило сил.

Дальше, всё пошло по накатанной колее: госпиталь, комиссия, списание. Ничего другого не оставалось, как вернуться в родительский дом. Денег хватило на крохотную однокомнатную квартиру, и сильно потрёпанный микроавтобус. Два месяца ушло на восстановление автохлама, и пробивание лицензии. А в середине лета, в городе, появилась очередная маршрутка. Почти год Волошин вкалывал как проклятый, но кое-как собрал деньги на ещё одну машину. Едва выпустив её на маршрут, заложил оба микроавтобуса и купил третий. Теперь дело пошло веселее. Можно было подумать и о завтрашнем дне. Особенно сейчас, когда в его доме появилась женщина.

– Мама, а ты сегодня на работу пойдёшь? – Голос доносился словно откуда-то изда-лека. – Мам, ну ты же не спишь! Тебе, что влом ответить?

– Я сплю, а на работу сегодня пойду после обеда, отстань! – пробормотала Женя и с головой укрылась одеялом.

– Мам, а на завтрак у нас что? – сын продолжал требовать внимания.

«Нет, это просто невозможно, в кои веки, решила выспаться, так нет, любимое чадо решило, стать жаворонком!» – подумала Женя и решительно отбросила одеяло.

– Ну, скажи мне, что тебе неймётся? Ты что сам не в состоянии сообразить себе завтрак? Тебе же не пять лет! Ты уже вполне самостоятельный парень. Ты мне объясни, я имею право хоть когда-нибудь выспаться?

– Имеешь! Как и любой другой человек, но мне очень одиноко, а ты или на работе, или пишешь очередную диссертацию, а я всё время один! – надул губы, не по годам рослый, мальчишка, стоящий у распахнутой двери.

– Ромка, прекрати дуться! Я сама знаю, что плохая мать, не нужно всякий раз напоминать мне об этом! Но ты тоже должен понимать, что я живой человек и мне нужно хоть изредка отдыхать.

– Мам, а я разве тебе мешаю? И потом я никогда не говорил, что ты плохая мать. Наоборот, ты у меня самая лучшая, умная, добрая, ласковая, а ещё, ещё ты самая красивая! Вот! – выпалил Роман, и уставился на Женю своими необычайно синими, словно нарисованными глазищами.

«Ой, беда девчонкам будет, когда подрастёт, только бы не в отца пошёл!» – Женя потянулась к халату. – «Всё ясно, поспать он ей, всё равно не даст».

Отца Романа, Женя казалось забыла и вычеркнула из жизни. Брак их, оказался недолговечным по многим причинам, но главной стало то, что Василек, оказался не просто маменькиным сыночком, он словно пиявка присасывался к жертве и тянул из неё все жизненные силы. Вскоре после рождения сына, Женя, не выдержав, попросту выставила мужа за дверь. Он ещё долго ныл, постоянно звонил ей, но обратно она его не пустила. Пусть уж лучше держится за подол своей дорогой мамочки. Удивительно, но уже ведь десять лет прошло, а о сыне он почти не вспоминает, хотя иногда, всё же звонит и, рассказывая об очередном провале семейной жизни, умоляет начать всё сначала. Сколько же он уже жён поменял? Даже вспомнить трудно, ну пусть это остаётся его проблемой. Евгении и без него вполне комфортно.

Водрузив на плиту чайник, Женя насыпала в большую чашку кофе, и принялась готовить горячие бутерброды. Ромка очень их любил и поедал с большой охотой. Да, конечно, нелегко без мужа поднимать мальчишку, но Женя старалась во всём заменить сыну отца. Хотя бы потому, что мужчины попадались ей какие-то слабые, неуверенные, словно других и не бывает. В этом отношении Евгения смирилась со своей участью. Изредка для постели они годились, но тащить на себе дополнительную обузу Женя решительно не хотела.

После завтрака, она и впрямь села за очередную статью. Защитив кандидатскую, Женя решила не останавливаться на достигнутом. Если в жизни нечего не даётся без боя, то выходит нужно создавать плацдарм для дальнейших действий. В клинике она на хорошем счету. Нейрохирургия – её призвание. Не просто было завоевать место под солнцем, но и теперь, когда она уже заведованием тем более нельзя почивать на лаврах. Конечно, она самая молодая из заведующих, в тридцать два года мало кто достигал таких успехов, но нынче молодёжь уже не та, что была раньше. Скоро начнут наступать на пятки, поэтому необходимо создать значительный отрыв.

В самый разгар работы позвонил Марек. Пришлось отвлечься, мальчик был перспективный, и весьма не плох в постели, стоило его придержать. Как ни крути, а физиология требует своего. Если слишком долго воздерживаться, начинают откровенно шалить нервы. Пару раз именно по этой причине сорвала злость на неповинном сыне. Так нельзя. Лучше выделить часок другой и снять нервное напряжение. Для здоровья так сказать.

Закончив разговор, Женя взглянула на часы и ужаснулась, ну, вот как всегда, не сделала и половины того, что собиралась. Приведа себя в порядок, она поцеловал Ромку, и уже со двора от машины помахала ему рукой. Сегодня день предстоял рутинный, операции не планировались. Взглянув на себя в зеркало, Женя улыбнулась, а ведь Ромка, пожалуй, прав, красивая у него мама!

Ирина ещё раз посмотрела счета и улыбнулась, всё складывалось как нельзя лучше. Этой зимой она съездила к брату. Собиралась на месяц, но не выдержала и недели, не потому, что Кирилл её плохо принял, нет. Слишком уж тянуло её к мужу, она и не предполагала, что разлука всего в неделю станет такой тягостной. Пётр поручил ей вернуть долг Кириллу, но тот наотрез отказался взять деньги, мотивируя это тем, что он уже вполне прилично зарабатывает, а им ещё необходимо развиваться. Так получилось, что у них с Петром образовалась вполне круглая сумма свободных средств. То есть купленный по осени списанный катер, удастся восстановить к этому, а не к следующему сезону. Да и несколько комнат появилась возможность переоборудовать в люкс. А это и дополнительные поступления, которые окупятся уже к осени.

Вчера по E-mail Ирина получила письмо от Кирилла, он благодарил сестру за знакомство с Эдиком. Они нашли-таки способ перерабатывать берёзовый дёготь. Брат, теперь уже владелец нескольких лесопилок, всерьёз занимался экспортными поставками. Но на выделенных делянках, приходилось брать не только востребованные на Западе сосну и ель, но

и неделовую берёзу. Затраты на её заготовку не окупались, по простой причине, годилась эта национальная гордость только на дрова. И тут Ирина познакомила его с бывшим однокашником, с которым когда-то училась вместе химико-технологическом. Эдик ещё в институте показал себя талантливым химиком, но найти приличную работу ему так и не удавалось, только и всего, что защитил диссертацию, и прозябал в разваливающемся НИИ. Теперь Ирина чувствовала себя победительницей. Она помогла и брату и давнему приятелю.

Услышав, как хлопнула дверь, она вышла навстречу. В грязных по локоть руках, Пётр нёс какую-то железяку от катера.

– Фу, тяжёлая собака! – выдохнул он, бросив ношу у крыльца. – Нужно будет заварить, и надеюсь, послезавтра попробуем пройти по лиману.

– Ты, что уже заканчиваешь ремонт? – удивилась Ирина.

– Не то, чтобы заканчиваю, работы там ещё много, но на ходу проверить будет нужно.

– Ты у меня просто мастер – золотые руки. Кстати о руках, давай умывайся, я тебя кормить буду, время как раз обеденное.

– Ты права Ириха, самое время, а то я что-то оголодал.

Накрывая на стол, Ирина даже не заметила, как Пётр неслышно подошёл к ней, только почувствовав его горячие руки у себя на груди, она чуть слышно вздохнула, ощущая, как волна желания поднимается по её телу.

– Ты же оголодал, за стол садись, – прерывающимся от волнения голосом прошептала она, и уже не в силах бороться с собой, резко обернувшись, впиалась губами в его твёрдый рот.

Сил добраться до постели у них просто не было. Так любить, пылко страстно, Ирина мечтала всю жизнь. И вот оно свершилось! Пётр, её любимый, единственный на свете мужчина, принадлежащий ей одной нетерпеливо рыча, срывал с неё одежду, чтобы вкушать её тело, насладиться им, подарить несказанное счастье ей, Ирине.

Когда пошатываясь, от внезапного головокружения, она села, прислонившись к нему, Пётр нежно обнял её за плечи и долго, невероятно вкусно поцеловал.

– Обед-то у нас уже, наверняка, остыл, – пробормотала заплетающимся языком Ирина.

– Ну, и пусть так съедим, – вторил ей Пётр, так и не поднимаясь с пола.

Ирина ни как не могла понять, как, каким образом Петр всегда угадывал её желания. Вот и сейчас, когда она увидела его входящего во двор, с напряжёнными от тяжести бугристыми мышцами, влажного от пота, жажда любви охватила её с такой неукротимой силой, что она едва справлялась с собой. И теперь, когда всё так сильно и ярко закончилось, именно такого поцелуя она хотела. Пётр, словно ему не более двадцати пяти, упруго вскочил на ноги и, протянув руку, помог встать Ирине. По его самодовольной улыбке, она поняла, что придётся идти и одевать на себя что-то другое, от сарафана остались лишь воспоминания. «А вот и не пойду, пусть ему будет стыдно за собственную неаккуратность!» – подумала она и с вызовом посмотрела на улыбающуюся, дочерна загорелую физиономию мужа. Пётр, неожиданно рассмеялся и вдруг снова крепко обнял Ирину.

– Я тебя люблю! – медленно, подчеркивая каждое слово, сказал он ей прямо в ухо и осторожно поцеловал в мочку, так, что желание с новой силой захлестнуло её.

Обед всё же пришлось разогревать. Хотя теперь он походил больше на ранний ужин. Раньше Ирина не догадывалась даже, что встречаются мужчины с таким необузданным темпераментом, но, выйдя замуж за Пётра она поняла, что вся её прошлая жизнь ничто в сравнении с тем, что ей предстоит испытывать всякий раз во время близости этим неукротимым, и в тоже время бесконечно нежным мужчиной, её мужем.

На следующий день, Пётр действительно прокатил Ирину на катере. Там ещё не было внутренней отделки, повсюду торчало какое-то железо, даже кресло у штурвала отсутствовало, но бывший патрульный пограничный катер бодро разрезал волну острым форштевнем и развивал просто немыслимую скорость. Промчавшись по лиману, Пётр направил свой

кораблик к косе. Подойдя почти вплотную к берегу, он заглушил мотор и, выскочив в прохладную, ещё не успевшую согреться воду, на руках перенёс Ирину на берег. На косу накатывались пенистые штормовые волны. Ветер завывал. Брызги стояли стеной. Пётр прижал к себе Ирину, и они долго смотрели на бушующее море, на метущихся над волнами чаек. Жизнь для них начиналась сначала и так будет каждый день. Снова и снова они будут узнавать друг друга, всякий раз влюбляясь заново, и в этом бесконечном повторении сосредоточился весь смысл их существования.

Сын позвонил днём, когда Таня даже не ожидала его звонка. Заявив, что скоро приедет, он, не дожидаясь ответа, отключился. Действительно, не прошло и получаса, как во дворе остановилась машина. Татьяна, выглянув в окно, увидела его выходящего из скромного «Гольфа». Всё же он был очень красив, её сын, высокий подтянутый он совершенно не походил внешне на своего отца, и это обстоятельство в очередной раз порадовало Таню.

Щёлкнул, открываясь, замок, и сын вошёл в квартиру, в которой вырос, провел почти всю жизнь.

– Привет, мать! Чай мне сделай, – прямо с порога заявил сын.

– Может, я приготовлю чего-нибудь? – непривычно робко спросила Татьяна.

– Нет, чай, бутерброды, если есть сгущёнка, – отрезал он.

– Хорошо, сейчас всё будет готово! – Таня направилась на кухню, пока сын раздевался в прихожей.

– Слушай, мать, думаю тебе после этой свистопляски с разводом необходимо поехать отдохнуть, развяться, – Сказал сын, устраиваясь за столом. – Словом у меня такое предложение, я метнусь по фирмам, посмотрю, что у них есть на ближайшее время и отправлю тебя куда-нибудь к морю, как ты на это смотришь?

– Да не хочу я! Зачем это нужно? – возразила Татьяна.

– Ты не спеши, подумай. Здесь тебя ничто не держит. Стресс ты получила серьёзный, самое время поправить здоровье и отдохнуть. Ты когда последний раз в море купалась? Забыла? Вот и я тоже забыл.

– Но я не готова, у меня даже ехать не в чем.

– А ты и не завтра уезжаешь. Я сказал на ближайшее время, но не значит что сегодня.

– Всё равно я не готова.

– Успеешь, подготовишься, если что, я помогу.

– А как ты отнёсся к тому, что отец ушёл?

– Тебе правду или так, чтобы не обидеть?

– Естественно правду.

– Знаешь мать, я знал, что это рано или поздно случиться. Пока я жил с вами, он не уходил. Но стоило мне переехать, он, сразу же почувствовал себя, нет, не свободным, а как бы это точнее сказать. Словом с него упала та ответственность, за тебя, за меня, за ту иллюзию семьи, что вы оба так упорно создавали.

– Не правда! У нас была семья, а он её разрушил.

– Пойми мать, не было семьи. Единственным связующим звеном, здесь был я. Не стало меня и разом всё рухнуло. Разве не так? Если бы я ушёл в восемнадцать, то и вы бы разбежались сразу же. Я же прекрасно видел, как тяжело вам обоим было. Теперь вы оба свободны. Это к лучшему.

– Ты что хочешь сказать, что он терпел меня, только ради тебя?

– Нет, он тебя любил и очень долго любил, но почему вы не смогли понять друг друга, я не знаю. Наверное, потому, что мы все чертовски упрямы. Это, похоже, семейное.

– Ты что пытаешься оправдать его? После того как он нас предал?

– Мать, не нужно высоких слов, он никого не предавал. Я его не оправдываю, но как мужчина прекрасно понимаю. Отлично помню, как он у ног твоих стелился, а ты этого даже не замечала. Я не считаю себя вправе кого-то из вас осуждать, или оправдывать, вы сами выбирали свою жизнь, никто вам не мешал строить её так, как вам это было нужно, что уж теперь пилить опилки. Время ушло, и назад его не вернуть.

– Ты видишься с ним?

– Не часто, но вижусь. Чаше, правда, созваниваюсь.

– Он спрашивает обо мне?

– Нет. Мы о том, что произошло, вообще не говорим. И тебе тоже стоит забыть всё плохое. Если хочешь что-то вспомнить, попробуй вспоминать о том, как вам было хорошо вместе. Всё я полетел, времени в обрез. Завтра или послезавтра я заеду, привезу тебе проспекты, буклеты и прочую рекламу. Пока! – он отставил недопитый чай и исчез так же внезапно, как и появился.

Заурчал во дворе мотор, и снова навалилась тишина. Татьяна постояла на кухне и вернулась в комнату, где до последнего времени жил её бывший муж. Теперь ещё и сын расстроил её. Выходит он уже давно знал, что у них с Андреем неладно в жизни. Только почему она, мать и бывшая жена узнаёт об этом последней? Неужели нельзя было просто с ней поговорить, объяснить. Почему Андрей не сказал... Хотя нет, именно об этом он всегда и говорил ей, только она не хотела этого слышать. Действительно, ну куда ему было деваться? Невысокий, *не* молодой, *не* красавец, *не* сказать, чтобы богатый. Да только не удел осталась она. Мама всё время твердила о том, что он ей не пара, а вдруг всё было наоборот? Мысль страшная, крамольная, неожиданно пришла Тане в голову. Вдруг и впрямь, *она* не соответствовала ему, а он, Андрей тащил на себе семью, старался как-то заручиться благожелательностью её, Татьяны, да только постоянно натывался на холодность и равнодушие. Мама утверждала, что его нужно не баловать, она и не баловала, за малейшую провинность отказывала, а он терпел, скрипел зубами, но терпел, проводил ночи без сна и терпел. И выходит теперь, когда сын начал самостоятельную жизнь, его терпению наступил предел, не потому ли он так легко согласился и безропотно, не скандаля, собрался и ушёл? Тогда получается, что, прислушиваясь к мнению мамы, подруг, что уже давным-давно развелись, *она сама* разрушила собственный дом? Как же могло так получиться? Да, раньше она несколько раз подавала на развод, но Андрей уговаривал её, успокаивал, и они жили дальше, а в этот раз он даже на суде не проронил ни слова, только безропотно соглашался со всеми обвинениями. Ему уже было всё равно! А ведь он просил всю жизнь не так уж и много! Таня первое время и сама сильно страдала, отказывая ему в близости. В постели Андрей становился необыкновенно чутким и ласковым, но время делало своё дело, а когда он вовсе перестал ей беспокоить, на какое-то время Таня даже вздохнула спокойно. Но, как оказалось, напрасно. Убивая чувственность в себе, она сама всякий раз, всё дальше и дальше отталкивала от себя мужа, пока не оттолкнула так далеко, что вернуть его стало уже невозможно.

От осознания непоправимой ошибки, от обиды, от жалости к самой себе Таня заплакала. Она плакала навзрыд, и некому было её утешить, никто не обнял её, не прижал к широкой крепкой груди, не сказал добрых слов.

Через месяц Волошин предложил Гале, познакомиться с его родителями. Она восприняла это несколько настороженно. Замолчала надолго, и только вечером, уже лёжа в постели, объяснила причину.

– Саша, ты ведь практически ничего не знаешь обо мне. Я понимаю, вслед за знакомством с родными ты предложишь выйти за тебя замуж. Я не хочу тебя расстраивать, потому, что люблю тебя. Меня совершенно не пугает разница в возрасте. Поверь, я очень бы хотела

родить тебе ребёнка. Но существует одно немаловажное обстоятельство, которое препятствует нашему счастью. Чтобы выйти за тебя замуж мне нужно вначале развестись.

Приключившаяся со мной история не отличается новизной. В мире всё повторяется. Я вышла замуж в конце пятого курса. Он в белом кителе, при кортике, стал для меня эталоном мужества. Я влюбилась с первого взгляда, и это решило, всё. Можно сказать, что я сама женила его на себе. Но у него окончился отпуск, и ему пришлось вернуться на Север. Если бы ты знал, какие письма он писал мне! Когда он возвращался на базу, я приезжала к нему мы чудесно жили. Я была самой счастливой женщиной на свете. Каждый год во время отпуска, мы ездили с ним отдыхать. Объездили весь Крым, он очень общительный человек, с ним всегда было весело и интересно. Я была с ним счастлива. До самого последнего времени.

У меня была очень близкая подруга, она живёт в соседнем подъезде. Три года назад она родила ребёнка. Одна. Я помогала ей всем, чем могла. Ты понимаешь, мы ведь дружны с ней со школы, восемь лет просидели за одной партой. Мы были с ней настолько близки, что она даже с нами каждый год в отпуск ездила. Конечно же, она была без ума от моего мужа, так же как и я. Только в тот вечер, когда ты меня подобрал на остановке, выяснилась вся ужасная правда. Муж после Нового года приехал в недолгий отпуск. Его лодку поставили на плановый ремонт, и ему удалось выкроить несколько недель. В тот день я отпросилась с работы пораньше, хотелось побыть с ним, ты понимаешь.

Когда я вошла в квартиру, ... ну в общем, я застала его в постели с лучшей подругой, но не это самое страшное. Оказывается её ребёнок, мальчик, которого я нянчила, оказался от него. Мой муж жил одновременно с двумя женщинами и мало того, сделал сына не мне, законной жене, а любовнице, которая было моей же подругой. Что я тогда выслушала от них обоих, ты не можешь даже представить. Я ушла и долго бродила по городу, когда вконец замёрзла, ты меня подобрал, я не знала, как мне жить дальше этим грузом. Наверное, если бы я не встретила тебя тогда, то наложила бы на себя руки. Ты мне подарил веру в то, что жизнь ещё не окончена. Я очень благодарна тебе за всё, что ты для меня сделал, но прошу тебя об одном, не торопись, и не торопи меня. Мне нужно ещё время, чтобы рана на душе зажила окончательно. Умоляю тебя, потерпи немного. Он сейчас в море, когда вернётся из похода, я подам на развод. Пусть они живут, как хотят. У меня есть ты.

– Да, прямо мексиканский сериал! – помолчав немного, сказал Волошин.

– Увы, это правда. Я понимаю иногда трудно поверить в такое, но я это пережила сама.

– Значит, это из-за него ты убивалась тогда, когда вечером рыдала у меня на кухне?

– Да, тебе, наверное, трудно поверить, но мне, в самом деле, было очень и очень плохо, я и вправду не хотела жить.

– Ладно, нечего ворошить прошлое, лучше думай о будущем, – Волошин покрепче прижал Галю к себе, и вскоре она уже спокойно засопела на его плече.

Волошин задумчиво поглаживал плечо Гали и мечтал о том, как замечательно у них всё сложится. Какие у них будут замечательные дети, как он будет с ними гулять, как поведёт первый раз в школу, как они будут подрастать на его глазах. В том, что всё сложится именно так, а не иначе он тогда был абсолютно уверен.

Утром Волошин отвёз Галю на работу, а сам поехал пробивать место под небольшую авторемонтную мастерскую. Вопрос уже назрел достаточно остро, нужно было где-то обслуживать свои машины, не за горами была покупка очередного микроавтобуса. А это уже собственный автопарк. Вопрос нужно было решать в кратчайшие сроки. По пути он заехал к родителям. Выйдя на пенсию, они практически всё время жили за городом, в городскую квартиру наведывались лишь время от времени. Соответственно сына видели лишь во время его наездов в деревню.

Поговорив со стариками, Волошин обнадёжил их, что в этом году женится обязательно, и отправился дальше.хлопот как обычно было много.

В конце дня Женя позвонила матери, та уже забрала к себе Ромку, и волноваться за него, по крайней мере, сегодня совершенно не стоило, а раз так, то предстоящий вечер можно было смело посвятить себе любимой. Отдав последние распоряжения, Женя набрала номер Марека, тот с готовностью заявил, что ожидает её с нетерпением.

Заехав по пути в супермаркет, Женя нагрузилась провизией, зная наперёд, что у него в холодильнике, как правило, кроме банки пива ничего не водится, направилась по знакомому адресу. Они познакомились случайно на вечеринке посвящённой дню рождения её приятельницы. Марек понравился Жене практически сразу. Высокий почти на полголовы выше её, а сама Женя никогда не отличалась маленьким ростом, симпатичный ухоженный, приятный в общении, он работал менеджером в какой-то фирме. Но его благосостояние Женю не интересовало, не замуж же за него выходить. А то, что он был на пару лет моложе, её тоже мало смущало. Бывали у неё любовники и помоложе. С Марексом не стыдно было показаться на людях, а уж знакомых у него было просто тьма. Он сразу заприметил высокую, вызывающе красивую женщину и сам подошёл, чтобы познакомиться. Пару раз они сходили в театр. Разок посидели в ресторане, а там и «совершенно случайно» заехали к нему домой «на кофе». В общем, Марек Жене понравился, и в постели оказался вполне неплох. Они начали время от времени встречаться, но только на его территории. Женя не хотела усложнять себе жизнь. Вот и сегодня вполне подходящий случай. Ромка у мамы. Вечер свободный, а если что-то случится на работе, номер мобильного там хорошо известен. В общем, можно смело отдыхать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.